

18+

АЙРИ (АРКАДИЙ) РАЦА

Жизнь прожить...

AIRY RATZA

To live a life...

Айри (Аркадий) Раца / Airy Ratza
Жизнь прожить... | To live a life...

«Издательские решения»

Айри (Аркадий) Раца / Airy Ratza

Жизнь прожить... | To live a life... / Айри (Аркадий) Раца / Airy Ratza — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-554863-4

Вторая мировая война, Румыния. В водовороте трагических событий две семьи — румынская и еврейская. Дети — Димитрий и Хая влюблены. Чувство переполняет их, не считаясь с традициями и правилами. Это чувство заставит Димитрия пойти за Хаей до конца. Дебютная книга Айри Раца рассказывает о корнях и драматической истории семьи его родителей. С пожеланием здоровья всем читателям и надеждой на антихрупкость мира.

ISBN 978-5-00-554863-4

© Айри (Аркадий) Раца / Airy Ratza

© Издательские решения

Содержание

Пролог	7
1	10
2	13
3	15
4	19
5	20
6	22
7	24
8	26
9	28
10	29
11	31
12	33
13	35
14	37
15	39
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Жизнь прожить... | To live a life...

Айри (Аркадий) Раца / Airy Ratza

Посвящается человеку, который изменил мою судьбу

Михаил Маточкин, Бюро переводов "Ред Грей" *Переводчик*

Ксения Бужинская *Иллюстратор*

Наталья Фоминцева *Редактор*

Matthew McMillion *Редактор*

© Айри (Аркадий) Раца / Airy Ratza, 2021

© Михаил Маточкин, Бюро переводов "Ред Грей", перевод, 2021

© Ксения Бужинская, иллюстрации, 2021

ISBN 978-5-0055-4863-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Melbourne

2013

Реальные люди

Реальные имена

Реальные события

Нет срока давности у памяти человеческой

Редактор русского текста Наталья Фоминцева

Редактор английского текста Мэтью Макмиллион

Переводчик Михаил Маточкин, Бюро переводов «Ред Грей»

Иллюстрации Ксения Бужинская

Пролог

Тишина наступила сразу. Стих ветер, тучи закрыли луну, необыкновенно яркую для этого времени года, и стало совершенно темно как внутри дома, так и снаружи. Даже собаки прекратили лаять и греметь цепями. Как будто природа готовила что-то необычное и всё вокруг ждало этого момента. И тогда появился он – странный, еле уловимый звук, похожий на шорох, который можно было скорее почувствовать, чем услышать. Одновременно с ним в окна пролился еле уловимый свет. Это было странно, и все, кто в это время ещё или уже не спал, прильнули к окну своего жилища, чтобы полюбоваться впечатляющим зрелищем, как с совершенно тёмного неба очень-очень медленно опускались огромные снежинки. Внизу они замедляли падение, словно стараясь продлить свою чистую, но короткую жизнь, а, коснувшись земли, тут же таяли. Но это внизу. А наверху нескончаемое движение снежинок продолжалось, и постепенно земля покрывалась белой фатой, отчего становилось ещё светлее.

Первый снег. Он совершенно изменил картину, которую Моше видел каждое утро из окна своего не очень большого, но уютного домика. А видел он нуждающийся в ремонте забор, слегка покосившуюся будку отхожего места в дальнем углу двора, гужевую утварь, которую тоже не мешало бы починить. Зато сейчас вся эта неприглядность покрывалась снежинками, что медленно опускались, шурша, будто перешёптываясь между собой.

Моше похвалил себя за то, что не поленился вечером поставить свою бричку о двух лошадях – или «экипаж», как он это называл – под навес. Жеребец и кобылка, славная парочка, к которым Моше всегда обращался ласково, только по имени – Тотеле и Момеле, – никогда не оставались на ночь под открытым небом в любое время года.

В комнате стало совсем светло. Может, от снега за окном, а возможно, начинался рассвет. Абсолютно непонятно было, сколько сейчас времени: настенные часы, тихо тикающие в тёмном углу у окна, невозможно было разглядеть.

Оторвавшись от окна, Моше решил попить свежей колодезной воды. Каждый вечер перед сном он выходил во двор, желал спокойной ночи Тотеле и Момеле и возвращался со свежей водой из колодца, набранной в небольшое ведёрко. Проходя мимо кровати, он обратил внимание на Розу, лежащую как-то нехорошо. Как будто шла, упала да так и заснула.

«Устаёт сильно», – подумал Моше. По молодости её невозможно было уговорить до утра, сварливый характер не давал покоя даже ночью. Дети и хозяйство изменили её, хотя Роза никогда особым рвением в ведении хозяйства не отличалась. Эти мысли и некоторые воспоминания из прошлой жизни промелькнули за секунду.

В другой комнате, где спали дети, было тихо и темно. Окно было чем-то завешено, двери не было вовсе. Однажды, придя домой подвыпившим и не выдержав Розино ворчания, пилений и упрёков, Моше саданул чем-то по двери, и она просто переломилась пополам. Для него было легче выбросить её совсем, чем отремонтировать. С тех пор так и жили.

На фоне кухонного окна, светлого из-за отражённого снега, он увидел силуэт любимой старшей дочери, своей надежды и радости в будущем – Хаиньки. Закутавшись в тёплую шаль, она смотрела на улицу. С недобрым предчувствием Моше подошёл к ней и тоже взглянул в окно. И то, о чём он боялся даже думать в последние дни, подтвердилось.

У калитки стоял Димитрий, его невозможно было спутать ни с кем даже в этом расплывчатом предутреннем свете. Хотя снег падал не так уж густо, он плотно покрыл его плечи и голову. И хотя влажные волнистые волосы, упавшие на лоб, прикрывали глаза Димитрия, было видно, как неотрывно он смотрит. Он совершенно не двигался, и отсутствие следов на выпавшем снегу свидетельствовало о том, что стоит он так довольно давно. Не пошевелился он и увидев лицо Моше в проёме окна. Да и Хая никак не отреагировала на появление

отца. Сдерживая нарастающий гнев, Моше молча пошёл обратно в спальню, потом остановился и снова подошёл к окну. Ни внутри, ни снаружи по-прежнему никто не шелохнулся.

Стараясь говорить как можно спокойнее, он сказал:

– Хайкеле, если этот переступит порог нашего дома, вы меня больше никогда не увидите.

гой

– Папа, я люблю его, – произнесла она тихо и подняла глаза.

Столько боли и нечеловеческого страдания было в этом взгляде, что вынести это оказалось невозможно.

И в эту минуту Моше совершенно ясно осознал, что прежней жизни больше не будет. Не будет любимой семьи, любимой работы. Не будет Момеле и Тотеле. Не будет шумных празднований с большим количеством еды и выпивки и довольно часто с разбитыми физиономиями и посудой. Стало страшно. Внутренний голос говорил ему: «Остановись, всё изменится, время лечит!» Но... Он не мог смотреть в эти глаза. Собрав всю свою волю, он спокойно, глядя в пол, произнёс:

– Ты меня знаешь, Хайка. Я могу легко менять своё мнение, но только не в этом вопросе. Выбирай сама.

И ушёл.

– Папа!!! – ударил ему в спину страшный крик отчаяния, который добил его окончательно, но он только на секунду остановился и закрыл за собой дверь спальни.

Новый день принёс новые заботы, новых клиентов. Когда Моше мотался со своими лошадками и пассажирами по округе, то забывал обо всём. Но в этот день тревога не покидала его. Выполнив все договорные поездки, он наконец-то подъехал к чайной. Её посетители были уже хорошо разогреты, было шумно, дым стоял коромыслом. Все сразу заметили, что обычно весёлый и жизнерадостный Моше мрачен и молчалив. Прежний опыт говорил, что сейчас лучше оставить его в покое.

Взяв у стойки бутылку пэлинкэ, он удалился в самый дальний угол чайной. Народ только переглянулся и притих: да, дело, видно, серьёзное. Обычно с приходом Моше начиналось настоящее веселье. Бывало, что перепадала и дармовая выпивка – каждому. Сейчас же Моше пил рюмку за рюмкой и думал. Он провёл целый день без еды и сейчас не закусывал, поэтому отяжелел гораздо быстрее, чем обычно.

Глянув на пустую бутылку, Моше хотел приподняться со скамейки и... не смог. Такое бывало крайне редко. И только самые близкие товарищи по извозу могли в такие минуты подойти и предложить помощь. Вот и сейчас Толстый Изя без труда приподнял Моше, вывел во двор и усадил в знаменитую бричку. Слегка подтолкнув Тотеле, он вернулся в чайную, совершенно уверенный, что Моше будет доставлен точно по назначению: Тотеле и Момеле имели богатый опыт подобных ситуаций. С возвращением Толстого Изи прежнее веселье в чайной немедленно восстановилось.

По мере неспешного приближения к дому Моше всё больше трезвел. Ещё издалека он увидел яркий свет в своих окнах, что очень его удивило. Он не помнил, чтобы Роза когда-либо ждала его так поздно, хотя, в общем-то, ночь ещё не наступила и в некоторых домах тоже светились окна. Но, подъехав к дому, Моше услышал голоса, а через секунду увидел через окно какое-то движение внутри дома.

В одно мгновение как ветром сдуло все его надежды, что всё ещё изменится к лучшему, все весёлые и горестные мысли, что терзали с раннего утра и до этого времени. Страшное предчувствие непоправимой беды сковало всё тело. В этот момент бричка легко и покорно остановилась посередине двора. Спрыгнув на землю и в два прыжка преодолев расстояние до дома, Моше распахнул дверь.

За кухонным столом, накрытым белой скатертью, сидел Димитрий в окружении Эжки, Лёньки и Эстер и рассказывал им что-то смешное, отчего в момент появления Моше они

дружно рассмеялись. Видно, что-то страшное было в его лице – все сразу вскочили под грохот падающих стульев. Но Моше ничего не видел и не слышал. Не видел, как замерла Роза над распахнутым сундуком, который открывала только в особых случаях. Не слышал, как Хая, появившись в этот момент из другой комнаты, уронила поднос с чайным сервизом, разлетевшимся со звоном. Он видел только бледное, красивое лицо Димитрия, и в его улыбке, за которую его так любили, Моше мерещился оскал непокорности и упрямства.

Эта сцена длилась считанные секунды, но как будто пролетела перед глазами вся жизнь. Вернувшись в действительность, Моше стал вдруг спокойным и хладнокровным. Он словно в первый раз увидел свою маленькую кухню, отметил скатерть на столе, необычно белую для этого времени суток, и то, что дети куда-то исчезли. Отметил безупречный, как всегда, костюм Димитрия и его прекрасный галстук. Не удивился тому, как была одета Хая – она всегда одевалась красиво. Но окончательно его добила Роза. Моше не помнил, когда последний раз она надевала эти вещи, присланные Сарой и Мотлом из Америки.

В открытом дверном проёме появились дети. Боже! Они все вырядились! Они стояли необыкновенно красивые, несмело улыбаясь. И снова всплыло в душе Моше страшное предчувствие непоправимого. До него окончательно дошло, что тут происходит. Ещё раз он медленно оглядел помещение и всех присутствующих и, когда его взгляд остановился на детях, понял, что если сейчас немедленно не прекратит всё, что они тут затеяли, всё это сватовство, то произойдёт что-то страшное. Но при чём тут дети? Ведь не они это придумали...

Эти мысли пролетели мгновенно. Вслух же Моше только произнёс:

– Ну что же. Вы сделали свой выбор. И вы понимаете, что я не могу и не буду в этом участвовать, – и ушёл в спальню, закрыв за собой дверь.

Никто не успел произнести ни слова, но когда он почти сразу вышел обратно с баулом в руках, то заговорили все. Каждый хотел как-то смягчить, изменить, исправить происходящее. Сердце Моше дрогнуло. Вновь надежда обволокла его, как это было уже много раз сегодня. Единственное, что ему хотелось услышать в это мгновение, – голос своей Хайки:

– Папа, я сделаю всё, что ты скажешь, только не оставляй нас.

Но, повернувшись в ту сторону, где стояла его старшая, самая любимая дочь, он увидел её рядом с Димитрием. Они стояли, держась за руки, всем своим видом давая понять, что никто и ничто не разлучит их ни в эту минуту, ни *вообще когда-либо*.

Всё. Он медленно отстранил детей, Розу, коротко бросив ей: «Смотри за детьми», – и вышел. Наступила тишина, и в этом полном отсутствии звуков все стояли и смотрели на дверь. Но Моше не вернулся.

Роза осторожно приоткрыла дверь, выглянула: Момеле и Тотеле покорно стояли во дворе в ожидании, когда их уже заведут в тепло, накормят и пожелают спокойной ночи. Снег давно растаял, поэтому было довольно темно. Во дворе никого больше не было.

Моше ушёл. И никто его больше никогда не видел.

Семья ждала, надеялась, верила всяким слухам. Один раз даже было сообщение, что будто Моше видели в Нью-Йорке. Но Сара и Мотл, живущие там уже много лет, сразу опровергли это:

– Неужели мы бы не знали, что родной брат находится рядом с нами? Да куда бы и к кому он тут мог обратиться? Что, мама с папой учили его английскому языку?

Эти доводы, особенно последний, окончательно развеяли надежду. И ещё долго в каждом письме и в частых переговорах с Сарой и Мотлом обсуждался этот вопрос. Хотя все понимали, что если в это страшное и непредсказуемое время о человеке долго ничего не слышно, то никакого чуда не могло произойти.

1

Шёл 1939 год. Два усатых дьявола, параноидально потирая руки, втягивали Европу и весь мир в самую страшную войну в истории. Что стоила жизнь одного человека в аду, где правили бал два подобия человекообразных – Гитлер и Сталин? И если в глазах Гитлера только начинал отражаться огонь под кипящими котлами преисподней, то прищуренные глазки второго монстра, Сталина, уже давно пылали страшным адовым пламенем. Многие годы методично уничтожались и бесследно исчезали в концлагерях, пыточных подвалах, незаселённых районах Севера и Сибири миллионы советских людей, лучшие представители интеллигенции и военные специалисты.

На пороге была Вторая мировая война.

Небольшой городок Новоселица представлял собой типичный населённый пункт Восточной Румынии, где жили крестьяне, ремесленники и фермеры, была своя интеллигенция и полиция. В небольшой гостинице останавливались в основном залётные ловеласы с замужними подругами, карточные шулеры да красномордые мужики из компаний, что заготавливали шкуры свозившегося на хладобойню скота, мясо, семечки для изготовления подсолнечного масла, кукурузу на корм домашнему скоту и для кукурузного масла, сахарную свёклу для производства сахара и, естественно, спирта.

Железнодорожный вокзал раз в три дня собирал почти всё свободное от работы население города. Это случалось, когда на семнадцать минут останавливался скорый дизель-электропоезд Бухарест – Черновцы. Яркие освещённые окна вагонов, доносившаяся из них прекрасная музыка, белоснежные скатерти вагона-ресторана – всё это будоражило местных жителей представлениями и мечтами о другой жизни. Все семнадцать минут шум стоял невообразимый. Раздавались заказы, привезённые из Бухареста, принимались новые, с обеих сторон шла бойкая торговля всем и вся. Но больше других были заняты местные модницы, за короткое время успевавшие увидеть и запомнить всё, во что были одеты столичные дамы. А там было на что посмотреть! Немыслимое количество шляпок, неопишуемые цвета и фасоны платьев, заколки, брошки, воланчики, кружева, банты, бантики, окантовки, пуговички, отстрочки. О, это были упоение и азарт! Ещё долго после отхода поезда обсуждались все детали эти нарядов, а сколько было споров!

Центральным же местом в Новоселице было заведение под скромной вывеской «Чайная». Тут обсуждались и вершились дела поважнее. Бизнес и бытовуха, преступления, кражи, семейные проблемы и прочие стороны непростого человеческого бытия – каждый вечер наряду с бурными застольями по поводу и без. Бывали в чайной авторитеты, люди заслуженные, проявившие себя с лучших сторон и в бизнесе, и в семейных делах, а также те, кто сумел отстоять свою честь не только в бескомпромиссных спорах, но и в суровых схватках, что иногда возникали в чайной как по серьёзным поводам, так и по пустякам. Однако порядок наводили быстро: выясняли причину и принимали справедливое для обеих сторон решение. Поэтому затяжных конфликтов не было. Присутствующие продолжали отдыхать, домой возвращались спокойные, готовые к новому трудовому дню, новым проблемам и жизненным ситуациям.

К слову, местная полиция не была особенно загружена, так как краж практически не было, убийств или, не дай Бог, изнасилований никто за свою бытность и вспомнить не мог. Заезжих гастролёров, что успевали напакостить, быстро находили. На первый раз они могли отделаться довольно чувствительными внушениями, что так поступать не надо. Но если инцидент повторялся или же совершалось что-то серьёзное, то люди эти просто исчезали и никто их особенно не искал. Такой самосуд, вершимый многие годы, был справедливым: никого не карали зря, только тех, чья вина была сопоставима со столь суровым наказанием. И полицию, и местное население это устраивало.

В общем, жизнь текла мирная, весёлая в то же время очень и очень нелёгкая. Но тяжёлый труд практически всем обеспечивал достойную жизнь: и в будни, и в праздники люди были сыты и прилично одеты, особенно дети, из которых мало кто оставался без хорошего образования или хорошей профессии, гарантирующей безбедное существование.

Праздничных дней в году было очень много. Христианские и иудейские праздники отмечались одинаково весело и шумно, в гости часто приходили без приглашения. Но хотя гуляли вместе, смешанные браки случались крайне редко. А если такое происходило, конфликтов по этому поводу не было. Молодые просто уезжали из Новоселицы, и отъезд их как-то возвращал всё на свои места.

Природа Буковины только помогала фермерам, да и всему населению, чувствовать себя комфортно. Снежные, не очень суровые зимы, тёплое дождливое лето, много жарких дней обеспечивали людей огромным количеством свежих овощей и фруктов. Заливные луга снабжали скот отборными кормами.

Река Прут заслуживала особого внимания. Красивая, приносящая огромную радость и пользу людям и животным, летом она несла свои беспокойные, но неглубокие прозрачные воды, широко скользя по отполированной гальке. В совершенно неожиданных местах река вдруг начинала волноваться, появлялись воронки, водовороты, страшная глубина. Именно появлялись: места эти менялись постоянно, воронки возникали там, где вчера была тишь и благодать. Но даже опасность не останавливала отчаянных пловцов! Считалось большим шиком нырнуть под воронку и вынырнуть с другой стороны. На такое могли решиться только отчаянные, отлично плавающие ребята. А неудачников, бывало, находили через много дней вдали от этого места.

Осенью же река разливалась, становилась шумной, вода темнела, несла в себе мусор, погибший скот, брёвна, лодки, оторванные от маленьких причалов, а иногда и дворовые постройки. Это было уже стихийное бедствие. Естественно, никто не решался даже близко подходить к воде. Можно было только стоять на возвышенном месте и наблюдать за тем, как в огромных воронках бесследно исчезало всё, что туда попадало. К счастью, это буйство природы обычно продолжалось недолго, большая вода отступала. А в один прекрасный день вместе со снегом приходили морозы. Река замерзала, и для детворы наступало счастливое время катания на коньках.

Менялись времена года, менялась природа, и только люди по-прежнему любили, ненавидели, радовались, горевали. Так было и так будет вечно.

2

Расположившись на заднем, пассажирском сиденье брички и подставив лицо весеннему солнышку, Моше предавался своему любимому занятию в редкие свободные от погони за монетой минуты. Привокзальная площадь в эти утренние часы была совершенно пустой, тихой, без пыли и людского гомона. Тело ощущало приятное тепло нагретой на солнце красной кожи сиденья. В то же время мысли витали в пространстве и времени. В настоящий момент мысленно Моше находился в Нью-Йорке, покупал детям подарки. Почему-то во всех этих грёзах наяву рядом была Сара, младшая сестра. Каждый раз он спрашивал себя: «Как же так получилось, что я не уехал в Нью-Йорк?» И каждый раз его уносило всё дальше в прошлое. Когда модница Сара приезжала погостить из Бухареста, все в Новоселице волновались. Женщины – по известной причине (поезд Бухарест – Черновцы), а у мужчин были свои мотивы. Уж очень она была шикарная, нарядная, а главное – свободная. А какие подарки привозила! Никого не забывала, и всем хватало!

От грубого окрика лошади вздрогнули, дёрнули бричку, и Моше вернулся в реальность. Шумнул кто-то из товарищей по извозу, оповещая о прибытии поезда, и, как всегда, Моше с его вместительным экипажем был востребован сразу. Он увидел группу взрослых и детей, стоящих в стороне от очереди прибывших пассажиров, рядом с внушительной горой чемоданов и сумок. За считанные секунды он развернулся и медленно, солидно подъехал к этой группе. Моше намётанным глазом оценил всё семейство. Он увидел, что все они одеты в добротную, очень удобную одежду. Женщина высокая и статная, но её невероятно бледная кожа свидетельствовала о каком-то неблагополучии. Мужчина был ниже её ростом, крепкого телосложения. Видно было сразу, что тяжёлой физической работы он не избегал. Так обычно выглядели зажиточные фермеры. Одет он был соответственно: кучма из дорогого каракуля, поверх вышитой рубашки жилетка из очень мягкой овечьей кожи, такие же брюки-галифе, вправленные в толстые носки ручной вязки. На ногах – постолы из мягкой, замысловато переплетённой кожи. Ясно было, что это не городской франт, а трудяга, знающий себе цену. К своему удивлению, Моше заметил, что дети соответствовали его собственной команде и по количеству (два мальчика и две девочки), и по возрасту. Подъехав к ним, Моше уже был заинтригован.

Погрузку, посадку произвели слаженно и быстро – чувствовалось, что в этой семье привыкли поддерживать друг друга. Ничего не ускользнуло от взгляда Моше. И как младший молча подавал ему самые лёгкие сумочки, и как все весело переглядывались, и как мужчина быстро прикоснулся к Тотеле и оценивающе оглядел Момеле, и то, что женщина ни к чему не притронулась. И всё это почти молча. Только старший сын, лет четырнадцати на вид, подшучивал над девочками.

Загрузились, расселись. Глава семейства занял место впереди, рядом с Моше, остальное семейство расположилось сзади. Ехали молча.

– Могу я спросить господина... э?..

– Оставь, какой я тебе господин. Зови меня Ион, Ион Раца. А прибыли мы к моему брату, Василию. Если знаешь такого.

– Ну как не знать такого уважаемого человека, – ответил Моше.

На самом деле он не знал, насколько уважаем хмурый, как и его брат, и не очень разговорчивый Василий, которого Моше несколько раз подвозил по разным адресам. Просто было положено отвечать именно так.

Моше почему-то захотелось продолжить разговор. Вообще время пролетало быстро, когда он общался с клиентами, среди которых иногда попадались очень интересные люди. Вот и это семейство не оставило его равнодушным. Но сначала он представился:

– Моше, Моше Ройзман. Ион, судя по багажу, вы надолго в наши края. Только в гости или по делу тоже?

– Габриэла, жена... – Ион движением головы указал назад. – Надо лечить её. Пришлось ферму продать. Сам я без неё не справлялся, да и уйму денег уже потратил на лечение. Не могут ей помочь. Мучается, бедная. Хэх...

– Да, грехи наши, – вздохнул Моше, ничего не сказав о болезни Габриэлы. – А чем думаешь тут у нас заниматься?

Ион молчал довольно долго.

– Работать надо. Ты видел моё хозяйство. – Он снова кивнул назад. – Поднять их всех будет нелегко. Габи мне сегодня не помощник.

Интонация, с какой он произнёс это нежное «Габи», показала, насколько он жалеет эту женщину и как ему самому тяжело сегодня.

После долгого молчания Ион продолжил:

– Было много лошадей у меня. Овцы. Люди работали. Постепенно всё пришлось распродать. Лошадей жалко. Любил я их всех. А твоя парочка очень славная.

Словно услышав столь лестный отзыв, Тотеле повернул к ним свою и впрямь очень красивую голову и нежно фыркнул, раздувая ноздри. Ион и Моше взглянули друг на друга и дружно рассмеялись.

– Мне надо быть ближе к дому, – вновь заговорил Ион. – Смогу подобрать парочку хороших лошадок – займусь грузовыми перевозками.

– А чем плохо обслуживать людей, как это делаю я? – удивился Моше. – Как мой отец делал.

– Не по мне это – сидеть на козлах целый день. Прокисну. К тому же знаю, что больше заработать можно там, где люди строятся.

– Тяжело целый день загружать, разгружать. Да и немолодые уже для этого.

– Ты прав, Моше, но мне надо. Ты уже знаешь. Меньше времени будет для ненужных мыслей. И вообще хватит об этом. Как ты поживаешь, Моше? Семья, дети? Бричка у тебя знатная. Думаю, Габриэла сейчас счастлива. Очень уж нехорошо ей, когда её на жёстком ходу везут. А с тобой мы как по воздуху плывём.

– Спасибо, Ион. Да, конечно, семья. Жена – Роза. Дети – два парня и две девчонки, и что удивительно, по возрасту точно как твои. Я даже не поверил сначала.

Так и доехали. Во дворе уже ждали и взрослые, и дети, так как все знали, когда приходит поезд. Как только бричка остановилась, все с радостью кинулись друг к другу. Мгновенно, с весёлым гомоном повывтаскивали багаж.

Когда суэта немного утихла, Ион подошёл, щедро рассчитался с Моше и остановил своего старшего сына, который в это время пробегал мимо:

– Димитрий, маме помоги, смотри за ней.

Парень кивнул и убежал. «Шустрый малый», – подумал Моше. Он пожал протянутую руку Иона, крепкую, как из морёного дуба. Ион же помолчал, думая о чём-то своём, и сказал:

– Я вижу, ты надёжный человек. Если нужна будет помощь или совет, могу я к вам обратиться, господин Ройзман?

– Всегда рад помочь хорошему человеку, господин Раца.

И они снова дружно рассмеялись, почувствовав, как что-то сблизило их в этот момент.

Когда Моше, развернув бричку, выезжал со двора, он увидел Иона, который, улыбаясь, помахал ему рукой.

3

Говорят, время лечит. Так, да не так. Василий принял брата с многочисленным семейством с большой радостью. Когда-то по молодости он проиграл в казино в Черновцах большую сумму денег. Отдавать было, естественно, нечем. Суд назначил ему последнюю дату выплаты – в противном случае заключение на немалый срок. Спас Василия старший брат Ион, заложив часть фермы. Постепенно, с годами, дела выправились, но Василий поступок брата запомнил навсегда и в этот раз был счастлив помочь ему.

Время шло, а Габриэла не поправлялась. Оберегаемая от физической нагрузки, она не могла пожаловаться на неудобства: им с Ионом отдали большую половину дома. Однако то, что после их красивого дома в Яссах приходилось жить квартирантами, угнетало Габриэлу. Как любой женщине, ей нужно было чувствовать себя хозяйкой. Но частые поездки в Черновцы по врачам результатов не давали. Болезнь не отступала. Деньги, вырученные за ферму, таяли, а вместе с ними таяла надежда стать хозяйкой в своём доме.

Однажды Габриэла решилась. После ужина, когда дети улеглись спать, она спросила Иона, сколько денег осталось в банке от суммы, вырученной за проданную ферму. Он удивился.

– Габриэла, ты знаешь, что из этих денег я потратил кое-что на покупку лошадей и фуры. Остальное предназначено только для твоего лечения.

– Знаю, дорогой. Но если ты меня всё ещё любишь, ты сделаешь то, о чём я попрошу.

– Я никогда не давал тебе повода усомниться в этом. Говори, что я могу сделать для тебя.

– Родной мой, выслушай меня и постарайся понять. Ты видишь, что наши поездки к врачам и последняя операция ничего не изменили. Я больше никогда и ни к каким специалистам не поеду. Не знаю, сколько ещё проживу, но то время, что мне осталось, хочу провести в своём дворе. Хочу спать в своей кровати, мыть свои тарелки и готовить еду в своих кастрюлях. Хочу, чтобы дети из школы приходили к себе домой и чтобы их друзья приходили к нам в гости.

– Габриэла, давай сначала добьёмся результатов в лечении. На будущей неделе профессор Штерн собирает консилиум по твоему вопросу. Всё складывается неплохо. Дети учатся, у меня много работы. Посмотри, как Василий с Катериной помогают нам. Ну потерпи ещё немного, прошу тебя.

– Нет. Обещаю тебе, это будет моя последняя просьба. Подбери для нас подходящее место – небольшой дом по нашим деньгам. Я не буду загружать себя тяжёлой работой. Дети станут помогать, да и ты часто будешь заезжать. Увидишь, так будет лучше. Ну пожалуйста, прошу тебя.

Она заплакала, тихо, сдерживая себя, и от этого горестного содрогания плеч, склонённой головы, полотенца, прижатого к лицу, невыносимая жалость стиснула сердце Иона. Он увидел вдруг, как она изменилась. Увидел, как много седины в её волосах, какими узкими стали её плечи, как заострились колени. На всём протяжении её болезни, то есть долгих шесть лет, он не видел, чтобы ей было так плохо, как в эту минуту.

Смахнув слёзы и откашлявшись, потому что от увиденного перехватило горло, он сказал как можно спокойней:

– Ложись спать, Габи, я уберу всё. А завтра мы с тобой поедem посмотреть пару домов на продажу. Я видел объявления. Мы ещё заживём как в прежние времена. Только не плачь.

Подняв лицо, она смотрела на него, не вытирая слёз, и столько благодарности и надежды было в этих красивых и усталых глазах, что он почувствовал, как горло опять сжало, словно обручем. Погладив Габриэлу по плечу, он вышел из комнаты.

«Надо пойти в чайную», – подумал Ион. Немного времени ушло, чтобы убрать со стола после ужина и пристроить мерина на ночлег. Когда Ион насыпал овёс (он всегда кормил мерина перед сном), в их спальне погас свет...

В помещение чайной Ион сразу был оглушён многоголосьем, хохотом, пением, доносившимся из разных углов. Гуляние было в разгаре...

«Ну конечно, сегодня суббота», – подумал он, оглядываясь в надежде встретить Моше. Но тот увидел его раньше. К слову, Ион так ни с кем и не завёл дружбы. Немногословный, мало пьющий, редко появляющийся здесь, он так и не стал своим в этом заведении. Вместе с тем его уважали за то, как он работал. В небольшом городке и хорошая, и плохая репутация распространяется очень быстро. Ион работал в любое время суток, был безотказным, не жадным до денег. Бережно относился к перевозимым грузам, почти всегда сам загружал и разгружал подводу. А самое главное – никогда не нарушал договора.

Моше громко позвал Иона к своему столику, попросив освободить для него место. Но Ион, подойдя, поздоровался со всеми и прошёл в самый дальний и тихий угол чайной. Там можно было поговорить так, как хотелось ему сейчас.

Через минуту Моше присел рядом, захватив с собой графин вина и тарелку с брынзой, хлебом и зеленью. Выпили по стакану молодого домашнего вина. Ион молчал. И хотя он всегда был неразговорчив, Моше понял, что дела неважные.

– Что, брат, устал?

– Честно говоря, да. Но я выдержу. А вот Габриэла сломалась.

– Что так?

– Решила больше не ездить на лечение, а купить лучше дом. Хочет жить на своём месте.

– Слушай, я хотел тебя раньше спросить. Не поколачиваешь ли ты её случайно? Вы так долго лечитесь, и я вижу, что она меняется не в лучшую сторону. А может, у Василия ей плохо?

– Мизинцем ни разу не тронул. Верь мне. А Василий с Катериной поддерживают её как могут.

Помолчали. Моше разлил по стаканам вино. Выпили. Отщипнули брынзы, хлеба.

– Ты видел моего младшего, Михая? Когда она его носила, врачи нашли у неё что-то нехорошее по женской части. Нельзя было ей рожать, а она заупрямилась. И вот сегодня Михай, дай Бог ему здоровья, вырос смышлённым и красивым, а Габриэла с тех пор не может избавиться от кровотечения. Вот и ездим по больницам, частным врачам. Поэтому мы тут. Да пользы мало. Что-то Габриэла чувствует. Не припомню, когда она ещё так настаивала на своём. Да и чтобы плакала – не помню. Сделаю как она просит.

– Может, на самом деле так будет лучше для неё. С деньгами, Ион, я тебе помочь не могу, сам видел мою ораву, а вот подыскать что-то достойное, без посредников, неплохой дом за подходящую цену, это мне по силам.

– Спасибо. Это очень важно сегодня.

Выпили ещё. Помолчали. В чайной между тем кто-то устроил очередную весёлую разборку, то и дело подходили ребята, шутили, что-то хотели выяснить, спросить, но, видя, что разговор идёт серьёзный, быстро удалялись. Ион заговорил первым, когда стало немного тише:

– Беспокоит меня мой старший, Димитрий.

– А этот что учудил?

– Да не учудил – чудит всё время. Шестнадцать только исполнилось, а девки уже прохода не дают. Пропадает где-то вечерами. Приходит поздно. Часто женскими духами пахнет от него.

– Пусть гуляет парень. Правда, мы так рано не начинали. Но зато потом ведь было дело, Ион, не так ли?

Впервые за весь вечер они заулыбались. То ли от выпитого вина, то ли от воспоминаний о том, что и они когда-то были намного моложе, лица у обоих посветлели, плечи расправились, как будто сбросили тяжёлую ношу. Ион, взявшись за графин и обнаружив, что тот почти пуст, встал и, спросив насчёт закуски получше, удалился. Вернувшись довольно быстро, он поставил на стол графин побольше и большую тарелку с дымящимся на отварном картофеле мясом, обильно посыпанным укропом. «Ну, дома мне точно скандала не избежать», – подумал Моше.

Налили, выпили. Ион продолжал, как будто никуда и не отлучался:

– Но он же ничего по хозяйству не хочет делать, за скотиной убирать его не заставишь. Школу заканчивать не хочет. Говорит, мол, зачем она мне?

– Кто школу не хочет заканчивать?

– Да Димитрий же.

Ион внимательно посмотрел на Моше – не опьянел ли? Но нет, тот сидел совершенно трезвый, видно задумавшись о чём-то своём.

– Так чем же он хочет заниматься? Не век же за девками бегать...

– Понимаешь, руки у него золотые. Ты хоть заметил, как он одевается?

Моше задумался, вспоминая, как выглядит Димитрий.

– Слушай, и в самом деле. Сейчас я понял, чем он отличается от всех парней. Одевается по-другому! Галстук, пиджак! А где он берёт эти вещи? У нас тут такого городского фасона не купишь.

– Всё перешивает сам. Все мои старые пиджаки распорол, всё перекроил и по другой стороне сшил. Говорит: «Портным буду!»

Моше вздрогнул, как-то странно посмотрел на Иона.

– Ты чего? – удивился тот.

– Так моя старшая, Хайка, тоже хочет портнихой быть. Ей тоже шестнадцать только исполнилось. Я ей сразу сказал, что школу надо закончить. Она уже давно обшивает младших. Особенно для Эстер старается. Соседка, Татьяна Бербек... Не знаешь таких? Оседлые цыгане... Она шьёт, модистка – так себя называет. Хайка у неё всё свободное время пропадает. Та даже начала ей платить понемногу за помощь. А твой где научился?

– Есть у меня ещё один брат, Илларион, живёт в Бухаресте. Когда приезжает, привозит для Димитрия всякие журналы. Даже французские бывают. А в этих журналах картинки да чертежи какие-то. Единственное, что Димитрий читает, – эти журналы. В жизни книгу в руки не брал.

– Ну, если так, то отдавать учиться надо какому-нибудь специалисту. Есть у нас старик Аксельрод, шил в Париже когда-то. Слышал о нём?

– Да, но мне сказали, что он старый стал, уже давно не шьёт и не хочет никого учить.

– Жалко. Как время быстро бежит. Ещё несколько лет назад заказы ему поступали из Бухареста. Он сам туда ездил мерку снимать.

– Моше, мне говорили, что он дружил с твоим отцом. Может, съездишь к нему? С меня магарыч хороший будет.

– Можно. Но он очень сердитый старик. Стерпит ли Димитрий?

– Думаю, стерпит. Уж очень он любит это дело. Может, и вправду специалистом станет. Недавно швейную машину Singer притащил. Спрашиваю: «Где взял?» Говорит: «Подарили».

– Какое там «подарили», Ион! Я Хайке недавно такую купил. Дорого заплатил. Ты даже не представляешь, сколько.

– Что, и у Хаи такая же машинка? Чудно. Столько совпадений. Слушай, Моше, давай поженим их когда-нибудь. Откроют они свою мастерскую, будут хорошо зарабатывать. Может, и нам не придётся так тяжело работать? Как тебе моя идея? А?

Ион засмеялся, в очередной раз потянувшись за графином, а Моше поменялся в лице, в одно мгновение став другим. Разливая вино, Ион заметил, как что-то изменилось, но решил, что они много выпили и, наверное, пора по домам.

– Ну что, Моше, по последней. За наших детей. Может быть, проживём ещё при них красиво.

– Давай, Ион, по последней. Но я всегда рассчитывал только на себя. Хотя...

Раздался звон разбитой посуды, передвигаемой мебели. Шум усилился.

– Ну вот, как всегда. Бывай, Ион. Я пойду к ним, помогу разобраться.

- Поговори с Аксельродом, Моше. Это важно.
- Я же пообещал. А ты береги Габриэлу.

4

Димитрий рос очень добрым мальчиком, его сердце всегда сжималось от жалости при виде раненой птицы или больной собаки. Он ненавидел, когда кто-то обращался жестоко с домашним скотом. В школе и на улице часто дрался, защищая слабых. В этих драках ему доставалось, но спокойно идти мимо, когда обижали беззащитных, он не мог.

Став старше, он заметил, что девочки бывают очень разные: очень красивые, просто красивые и не совсем красивые. И этих, последних, Димитрий тоже жалел: в школе они часто были одиноки, над ними насмехались, а мальчишки всё внимание уделяли другим девочкам – очень красивым.

Димитрий поначалу очень удивлялся тому, как эти невзрачные девочки благодарили его взглядами за самую маленькую поддержку или похвалу, как озарялись их лица лёгким светом радости и красоты.

С возрастом он понял силу комплиментов. К девочкам, которых его сверстники дёргали за волосы и в чей адрес отпускали глупые шутки, Димитрий обращался вежливо, неизменно отмечая то новую кофточку под цвет глаз, то красивую заколку, то интересно завязанный платочек на шее. Благодарный взгляд всегда был ему ответом.

Но ещё больше поражало, что одинаково реагировали абсолютно все девочки: и красивые, и не очень. Когда Димитрий однажды, совершенно не задумываясь, похвалил причёску мамы своего школьного друга, то увидел, к своему великому изумлению, как эта красивая женщина зарделась, словно его сверстница. Это подтолкнуло его на эксперимент. С одноклассницами всё было ясно. А как поведут себя девушки постарше?

Подойдя к одной из них, он просто сказал:

– У моей мамы такие же серёжки, как у тебя.

– Ну и что?

– Тебе они очень идут, как и ей.

Результат был тот же: благодарный взгляд, нежный румянец на щеках.

Димитрий пошёл дальше: как-то попросил у одной очень красивой одноклассницы цветную ручку, которая была только у неё.

– Дурак, что ли? – спросила девочка, одарив Димитрия высокомерным взглядом.

Она и в самом деле была очень красива и позволяла себе подобные грубости постоянно. Буквально через тридцать минут, во время перемены, Димитрий несколько раз продефилировал мимо девочки, пристально вглядываясь в её лицо.

– Ты чего? – спросила она, приподняв удивлённо бровь.

– Слушай, Марица Петрушану случайно не из вашей семьи? Не родственница твоя?

Марица Петрушану, красивая и талантливая, была звездой того времени, и её портреты появлялись во всех газетах почти ежедневно.

– Нет. А чего вдруг тебя это интересует?

– Я думал, кого ты мне напоминаешь? Да вы с ней одно лицо!

– Ну вот ещё выдумал...

Но смущение её было радостным, и голос звучал уже не так надменно, как полчаса назад. И цветную ручку, которую Димитрий тут же попросил снова, она отдала с удовольствием.

Со временем Димитрий понял, что не всё однозначно в этом вопросе. У людей, что его окружали, были разные характеры, воспитание, обстоятельства в семье, но все они совершенно точно нуждались в добром слове, соучастии, поддержке.

5

Моше выполнил всё, что пообещал Иону в чайной. На следующий день он встретился с маклерами, которых в разное время выручал из-за проблем с законом. Они были рады услужить: ведь у любого из них в ближайшее время могла появиться причина снова обратиться к Моше за помощью. Кроме покупки и продажи недвижимости, они занимались ценными бумагами, валютой, ювелирными изделиями.

Моше представлял, какой дом подойдёт Иону. Состав семьи у него такой же, как и у самого Моше, но есть ферма, а значит, он захочет завести домашнюю скотину, будут нужны хозяйственные постройки. Объяснив всё это маклерам, Моше отправился к Аксельроду, и эта встреча, конечно, была приятней предыдущих.

Марк Самуилович Аксельрод был очень весёлый человек. Он никогда не жил долго на одном месте, был женат несколько раз и всех детей от разных жён любил и поддерживал как мог. А человек он был по тем временам богатый. Потому что не просто шил фраки, мундиры, верхнюю одежду, но постоянно придумывал фасоны, не боялся работать с новыми тканями. Благодаря своему то ли таланту, то ли чутью Аксельрод был очень известен за пределами Румынии. Его приглашали в знатные дома, и он подолгу мог жить в каком-нибудь дворце, обшивая многочисленное хозяйское семейство. Естественно, с ним работала небольшая команда. Эти люди в основном и шили, а Марк Самуилович снимал мерку, делал выкройки, сам сшивал самые сложные части одежды. Никто не мог положить такую строчку, как он. В последние годы, когда появились болезни, да и руки стали не те, Аксельрод с женой Дорой жил у старшего сына с его большой, шумной семьёй в красивом доме в самом центре Новоселицы.

Аксельрод, знавший Моше с тех пор, как тот только начал ходить, встретил его очень приветливо, усадил пить чай. Да и с его отцом Марк Самуилович много чего повидал – тот тоже был весёлым и не прочь погулять. После долгих расспросов и воспоминаний Моше выложил суть дела, с которым явился.

– Мойшелы (так Аксельрод называл Моше в детстве), я удивляюсь тебе. Ну неужели ты думаешь, что при всём уважении к тебе и к твоей семье я возьму в дом какого-то шкуца, чтобы он у меня жил и чтобы я к тому же учил его строчить на машинке?

– Марк Самуилович, он умеет строчить на машинке. Я уже видел его работу. Я вам скажу, что такой костюм у нас тут в магазине не купить.

При слове «магазин» Аксельрод вскочил со стула.

– Мойшелы, даже самый бедный уважающий себя кацап не пойдёт в магазин покупать костюм. Нашёл с чем сравнивать. Я уже представляю себе фасон этого кавалера в костюме лучше, чем в магазине, так сказать. Не морочь мне голову, езжай себе и работай. Увидимся скоро на бармицве у Иосика. Я просил Дору, чтобы она занесла вам приглашение. Всё. Иди.

Моше с улыбкой наблюдал за этим всё ещё энергичным старичком, невысоким, сухоньким и седеньким, но, как всегда, элегантно одетым, словно он был персонажем из сказки Андерсена.

– Марк Самуилович, неужели маленькому Ёськеле уже тринадцать исполняется? Представляю, как все ваши мужчины будут выглядеть. Я много раз видел вашу работу. Нет слов! А как приятно надеть новый костюм из ваших рук! Я имел такое счастье.

– А ты знаешь, что наступил мне на любимую мозоль? Знаешь, сколько костюмов мне надо пошить за неделю? Кто мне поможет? К кому я ни обращался, все заняты, имеют большие заказы. Как представляю, что все явятся на бармицву в костюмах, в которых ходят где попало, жить не хочется.

– А кого вы имеете в виду? Ёсю и его папу? И всё?

– Ты забыл, что у меня, кроме Ёси, ещё три внука, которые уже шляются где попало. А мои зятя? А мне уже не надо кошерный костюм? Я имею в виду новый – для такого важного события. Последняя бармицва в моей жизни. Что прикажешь мне делать? Идти в магазин? Не дождётесь этого!

Моше, улыбаясь, наблюдал как старик, совсем раскипятившись, бегал по комнате, ничего не замечая.

– Это же катастрофа, Марк Самуилович. Как быть?

– Не знаю!!! – в отчаянии воскликнул старый мастер.

– Есть человек, который поможет вам. Но вы не согласитесь, я знаю.

– Дай мне этого человека. Я ему хорошо заплачу! А кто это? Я же тут всех мастеров знаю. А-а-а, ты, наверное, имеешь в виду своего кузена Ицхака, что держит мастерскую в Черновцах? Ты таки прав. Непорядочный он человек. Аферист. Слово не держит. Не хочу его видеть.

– Я имею в виду Димитрия, Марк Самуилович. Возьмите этого парня. Он будет стараться. В любом случае, я знаю, главную работу всё равно будете делать вы. А пара молодых рук вам ой как пригодятся.

Аксельрод остановился как вкопанный и долго смотрел на Моше.

– Серьёзно? Да он мне все ткани угробит. Ты ведь знаешь, с какими отрезами я работаю.

– Да почему угробит? Кроить-то вы будете, а он пусть сидит и строчит. Заодно и посмотрит, как великолепный мастер выкройки делает.

– Ты ко мне не подлизывайся. Великолепный мастер! Был когда-то, это точно... Что же мне делать?

– Примите этого парнишку. Он из порядочной семьи. Мечтает стать мастером. В конце концов, всегда можете отправить его обратно, если он ничего не умеет. Но я видел его работу. Он вас не подведёт.

– Это ты мне уже говорил... Вот беда. Что же мне делать?

Подумав, Аксельрод наконец-то решился:

– Хорошо. Жду его завтра к завтраку, в семь часов. Хочу видеть, что он там себе пошил. Пусть придёт в этом костюме. И скажи ему, чтобы взял всё необходимое для себя. Пока не закончим работу, будет жить тут... До чего я дожил... Но сам я, конечно, просто физически не справлюсь.

– А что сказать его отцу насчёт оплаты за учёбу?

– Моше, он будет тут у меня не просто учиться. Он будет работать по шестнадцать часов в день. Если он окажется в самом деле толковым парнем, я ему ещё заплачу. А вообще-то, когда его отец наладит своё хозяйство, я с удовольствием приму от него брынзу, творог, сметану. Дора очень любит парное молоко.

– Ну, тогда я пошёл. Спасибо за приём, Марк Самуилович. И за Димитрия тоже.

– Иди, иди. Всё-таки добился ты своего, Моше. Вот и твой отец был такой... Рад был тебя видеть.

6

На следующий день поехали смотреть несколько домов. Габриэла надела самое лучшее, что у неё было. Вся светилась. Видно было, как давно она мечтала об этой минуте. Специально для выездов с Габриэлой была куплена небольшая кобылка, спокойная, с ровным ходом. Трудно было заставить её бежать быстрее. Также купили небольшой тарантас, не на мягком ходу, как у Моше, но рессоры заменили на более мягкие. Получилось хорошо.

Девочки, Мария и Лянуца, тоже захотели поехать. Когда они, нарядные, как и мать, вышли из дома, Ион удивился тому, как сильно они выросли за последние пару лет. «Настоящие барышни», – подумал он.

Первый дом – огромный, с бестолковой планировкой, без подсобных построек – не понравился сразу.

– А где лошадей держать, птицу, пару поросят, корову? – спросил Ион у маклера.

Шустрый посредник, естественно, старался их уговорить, обещал подсобить с покупкой дешёвых материалов для построек, надеясь получить первый взнос. Но Габриэла просто вышла из дома и ждала их на улице.

Второй дом, который Ион уже видел раньше, подходил им, но там запросили такую сумму, которую он не заплатил бы и в лучшие времена.

В маклерской конторе взяли ещё несколько адресов, ездили везде с её представителями. Пара домов приглянулись, подошли по всем параметрам, но, видя оживлённые лица всего семейства и понимая, что дом необходим им сейчас, сегодня, эти представители задирали цены до абсурда.

Полдня прошло безрезультатно. Все устали. Обратились в другие конторы, но итог был тот же. Стало ясно, что эта затея не по карману, и радость Габриэлы таяла на глазах.

Приехав домой, то есть к Василию, Габриэла поблагодарила Иона, молча прижалась к нему, постояла и ушла к себе. Даже со спины видно было, как она устала, как ей плохо оттого, что так легко рушились её радость и надежда. Девочки тоже молча ушли в свою комнату. Никогда Ион не чувствовал себя таким беспомощным, как в эту минуту. Больше всего на свете ему захотелось налить стакан полэнты и махнуть его в один раз, но, увидев тревожные глаза Михая, младшего сына, возившегося тут же с какой-то изобретённой им конструкцией, не стал этого делать.

Как всегда, когда на душе было тревожно, он уходил к лошадям, овцам. Молча садился и смотрел на них. Запах домашней скотины, её покорность и доверчивость всегда успокаивали его. И он возвращался в дом с новой надеждой, в ожидании следующего дня.

7

Посылки, получаемые из Америки, из Нью-Йорка от Сары, раз в год, а иногда и чаще, всегда были праздником в доме Моше. Не потому, что сильная нужда была в семье, нет, всё было чин чинком: и одеты хорошо, и на столе всё было, и суббота соблюдалась по всем правилам. Денег, заработанных извозом, хватало, в общем-то, на всё. Моше даже каждый раз имел хорошую заначку от Розы для своих нужд. Роза знала и не скандалила по этому поводу, так как Моше никогда не обращался к ней за деньгами.

Самыми радостными были первые минуты после того, как Моше привозил с почты довольно большую и очень красивую картонную коробку и ставил её посреди кухни, самого большого помещения в доме. От коробки исходил совершенно неповторимый запах другой жизни, и когда Моше разрезал пластмассовые ленты с печатями с каждой стороны, она самопроизвольно открывалась, и половина содержимого оказывалась снаружи, вокруг неё, на полу.

Было очень весело и интересно разбирать всё это, каждый раз находя что-то новое. Дело в том, что, упаковывая содержимое, Сара (вернее, тот, кто делал это для неё) старалась угодить всем. Поэтому посылка, максимальная по размеру, набивалась до отказа. И внутри не было ничего лишнего. Игрушки, бижутерия, одежда, коробочки и баночки с вкусоностями, сувениры, даже сигареты, хотя в доме Моше никто не курил. Когда дети подросли, в посылке приходили в основном красивая одежда, журналы, нижнее бельё, парфюмерия.

Хая разглядывала модные журналы, и ей всё очень нравилось. Став постарше, она пыталась шить нечто подобное тому, что видела на их страницах. Изобретательность у Хаи была необыкновенная. Если был испорчен верх, она старалась довести до конца юбку. Если низ – не задумываясь, отрезала его и делала из верхней части кофточку или блузон. В крайнем случае на выходе получалась оригинальная жилетка.

Когда Хая поняла, что замысловатые фасоны из журналов пока сложны для неё, появилась идея делать что-то своё из того немногого, что было в её распоряжении. Не одно Розино платье пало жертвой Хаиных экспериментов, и постепенно гардероб матери был почти изведён. Осталось несколько вещей, на которые у Хаи не поднялась рука. Но постепенно у неё стало получаться. Роза к нарядам была равнодушна, а вот многие Хаины подружки с удовольствием носили то, что она доводила до конца. Её вещи с самого начала отличались оригинальностью. Девочки с удовольствием помогали Хае, приходили на примерки, подолгу рассматривали с ней журналы, смеялись. Было хорошо.

Узнав об увлечении старшей племянницы, Сара старалась помочь ей. В посылках появились недорогие отрезы, отделочные материалы, коробки с пуговицами разных цветов, размеров и форм. Для Хаи это были настоящие сокровища. Она стала смелее обращаться с тканями. Часто присутствующие с ужасом наблюдали, как, разложив на столе кусок материи или детали разделанного бывшего платья или костюма и недолго поглядев на всё это, Хая начинала что-то вырезать, выкраивать, складывать, снова обрезать.

Соседка-портниха Татьяна Бербек, конечно, не позволяла Хае экспериментировать с материалами заказчиц, но постепенно давала ей работу всё сложнее и сложнее.

Со временем Хая всё отчётливей понимала, что шитьё Татьяны немодное, фасоны устарели, а во многих случаях просто портили фигуру заказчицы. Но Хая была тиха и трудолюбива. Она продолжала ходить к Татьяне, помогала ей и была благодарна за всё то, чему та её научила.

Вот и сегодня, как обычно дождавшись, когда все будут дома, Моше вскрыл очередную посылку, привезённую с почты. Эффект был тот же. Но на этот раз внутри оказались предметы, которых раньше в посылках не было: большой набор различных принадлежностей и инструментов для стрижки волос и бритья, мужская парфюмерия. Эжка и Лёнчик потеряли дар речи, глядя на это богатство. Все удивлённо переглядывались, но, когда увидели довольное Розино

лицо, стало ясно: это её работа. Она давно заметила, что её сыновья тратят на что-то другое деньги, данные им на стрижку, и постригают друг друга сами, раздобыв где-то старые ножницы и допотопную машинку. Роза молча наблюдала за ними и, когда увидела, что её дети выглядят не хуже тех, кто стрижётся в парикмахерской, решила написать Саре. Результат превзошёл все ожидания: радости не было предела.

Отрезы, присланные для Хаи, на этот раз оказались дорогими. Ткани, очень тонкие и лёгкие, были удивительных расцветок, и от них невозможно было оторвать глаз. Но Хая уже знала эти ткани, объяснила, где шёлк, а где креп-жоржет. Соответственно, и отделочные материалы были другими: очень интересные пуговицы, всё яркое, нежных цветов. Всё это долго ещё раскладывалось, рассматривалось, обсуждалось. Все были счастливы.

8

Дэйв Райз, бизнесмен из Бруклина (Нью-Йорк), приехал в Новоселицу по завещанию своего отца, Артура Разина из Западной Украины, который в 1916 году, прочитав случайно несколько листовок соратников великого Ленина, очень взволновался. Он сразу понял, что большие обещания освободить пролетариат неизвестно от чего ни к чему хорошему не приведут, и начал действовать очень решительно. Всё, что можно было продать, продавалось. А нажито было немало: несколько жилых домов, небольшой, но очень прибыльный заводик по производству мебели и ещё много чего. Вырученные деньги переводились в американские доллары и небольшими партиями перевозились в Черновцы, в банк.

Дальше произошло то, что должно было произойти. Разгром Российской империи, великой державы, разруха, голод... И, естественно, история повторилась. Виноваты евреи! Начались еврейские погромы, особенно жестокие в Западной Украине. За всем этим кошмаром Артур наблюдал уже из Нью-Йорка, но даже на таком расстоянии было очень страшно. Ведь в этом аду остались родственники и друзья.

Бизнес Артур наладил очень быстро. Мебель в европейском стиле, недорогая, так как её не надо было везти из-за океана, быстро стала популярной. Спрос был огромным, и буквально через пару лет маленькую фабрику пришлось увеличить. Так же удачно была куплена недвижимость, несколько офисов на Манхэттене.

Артур передал бизнес единственному сыну Дэйву – Давиду, потому что начал болеть. Возможно, переезд в Америку и трагические вести с Украины подкосили его. Он начал быстро таять. Последняя его просьба, перед тем как он покинул этот мир, оказалась странной и хлопотной: Давид должен был посетить Румынию, Новоселицу, и построить там маленькую синагогу в память о своём отце. Оказывается, такова была последняя воля отца Артура, но по известным причинам он не смог её выполнить – помешали исторические перемены и эмиграция. После того как деньги были переведены в Нью-Йорк, Артур вместе с семейством погрузился на корабль в Констанце и отбыл в Америку.

В тот же день, когда Дэйв Райз с представителем мэрии и здешним рабби разъезжал по Новоселице на автомобиле, выбирая место для новой синагоги, проведать Моше приехала Сара. Как всегда, погостив в Черновцах у сестры Молки, она с друзьями на дорогом автомобиле прикатила в Новоселицу. Увидев эту компанию, Дэйв, естественно, удивился. Его заинтересовала женщина, сидевшая рядом с водителем. Всё в ней – наряд, манера держаться, весь её внешний вид – говорило о том, что эта светская девушка не местная.

Место под будущее здание синагоги подобрали. Дэйв согласился с доводами, что в небольшом городе лучше построить одну побольше, чем две маленькие. Очень быстро согласовал денежную смету и сроки выполнения работ. В другое время это заняло бы несколько дней. Но сегодня его волновала Сара.

Вернувшись в Черновцы, Дэйв попросил представителя мэрии узнать, кто эта женщина, из какой она семьи. Что и было сделано на следующее утро.

Сара Ройзман, уроженка Новоселицы, была замужем за знаменитым модельером и дизайнером, директором известного в Европе агентства. Демонстрировала модели этого агентства, разъезжала с мужем по всей Европе, пока не узнала, что ещё до женитьбы на ней у него в Париже был партнёр, тоже модельер, и их отношения продолжаются до сих пор. Этого было достаточно, чтобы развестись и получить крупную сумму денег за раздел общего бизнеса.

Сестра, Молка Кноп, замужем, живёт в Черновцах. Дочь Люба. Муж Хуна Кноп. Род занятий в настоящее время неизвестен, но возвращается в кругу высших чиновников мэрии. В контакте с руководством полиции.

Брат, Моисей Ройзман, женат, проживает в Новоселице. Дочь Хая. Жена Роза Ройзман. Частный бизнес, извоз.

Брат, Мотл Ройзман, холост, проживает в Бухаресте. Парикмахер.

В тот же вечер Сару представили Дэйву, предварительно объяснив ей цель его пребывания здесь. После знакомства поступило приглашение в ресторан. Сара из этических соображений спросила разрешения прийти с друзьями. Дэйв, естественно, не возражал и даже добавил, что на ужине будут несколько человек, ответственных за строительство синагоги.

9

После неудачных поисков дома для покупки Габриэла чувствовала себя совершенно опустошённой. Если раньше её постоянно оберегали от физического труда, то сейчас ей и самой ничего не хотелось делать. Ион и дети, как могли, поддерживали её, пытались как-то развлечь, постоянно рассказывали, что происходит в городе, в гимназии. Ион делился новостями из газет. Но Габриэла оживала, как прежде, только с приходом Димитрия.

Тот уже две недели практически жил у Аксельрода. Особых проблем с хозяевами не было с первых дней, Дора была очень приветлива и постоянно чем-нибудь угощала Димитрия, на что Марк Самуилович ворчал:

– Дора, этот мальчик здесь для того, чтобы учиться и помогать мне. А ты постоянно отрываешь его от работы. Мне не жалко, но у нас просто мало времени, а тут ещё ты со своими запахами.

В это самое время мальчик, отодвинув в сторону инструмент, наслаждался свежими пирожками с маком и горячим какао на молоке. Запах в мастерской стоял необыкновенный.

Димитрий приходил, вернее, прибегал домой редко. В основном побыть недолго с мамой, взять свежее нижнее бельё, поменять рубашку и поделиться впечатлениями. Сначала он боялся Аксельрода, но вскоре уже открыто восторгался им.

– Видели бы вы, какое плечо у него выходит!

– Как это выходит? – удивлялась Габриэла, и Димитрий долго смеялся на такие её вопросы:

– Я имею в виду, как он рукав вшивает.

Первые дни все его расспрашивали о семье Аксельрода, о том, что они едят, какая обстановка в доме, мебель, посуда. Димитрий простодушно рассказывал всё с восторгом, не замечая, как всякий раз замыкалась в себе Габриэла. В эти минуты она словно возвращалась в прошлое, в Яссы, в свой большой дом, где она помогала во всём Иону, везде успевала: и по хозяйству, и в поле. Все были ухожены, всюду порядок. И что с ней происходит сегодня. Эх...

Сёстры же, узнав, что у старого портного есть две внучки их возраста, на пару лет младше Димитрия, подшучивали над ним:

– Ты наверняка всё свободное время поцелуйчиками занимаешься?

– Нужны они мне с поцелуйчиками, – смеялся он, для него это уже было в прошлом. – Вы бы лучше учились хорошо в школе, чем о поцелуйчиках думать.

– А мы всё успеваем, – отвечали сёстры, и тут уже все смеялись вместе.

Когда Димитрий приходил, всем было хорошо. Габриэла, хоть и ревновала его к семье Аксельрода, теперь была уверена: её старший сын станет настоящим мастером.

10

Было воскресенье. Прекрасный осенний день. Деревья уже ярко горели разноцветной листвой. После проливных дождей земля на обочинах подсохла, но пыли ещё не было. Многие фруктовые деревья отдали свой урожай, и в воздухе стоял неописуемый запах свежесорванных яблок.

Ион и Габриэла сидели на скамеечке у двери. Сидели просто так, радовались солнцу и хорошему дню. Дети после обеда бегали где-то с друзьями, Димитрий был у Аксельрода.

После первых попыток купить дом Ион не брал жену с собой, помня, как сильно она расстроилась тогда. Да, цены были нереально завышены, словно все сговорились. Всё, что Ион смотрел сам, было им не по карману. Иногда уложиться, в принципе, можно было, но Ион не хотел оставаться совсем без денег, необходимых на мебель, посуду, домашний скот, птицу. А врачи для Габриэлы? Нет, он не мог на это пойти.

Неожиданно мягко, без звука у калитки остановился экипаж Моше.

– Карета подана, православные, – улыбнулся он, поклонившись.

Он был, как всегда, в белой рубашке, в жилетке и мягкой фетровой шляпе с декоративным пером. Немного украшена была и сбруя Тотеле и Момеле. Ион всегда любовался этим экипажем, этими лошадьми, миролюбивыми, не то что его мерин Дракула, который не мог стоять на месте, вечно рвался куда-то, не подпускал к себе людей. Хотя и трудяга был необыкновенный.

– Собирайтесь, или до конца дней думаете тут жить? – Моше явно был чем-то доволен.

– Да погоди ты. Давай в дом зайдём. У меня есть что-то вкусненькое, не пожалеешь.

– Нет, Ион. Давай сначала дело сделаем.

Моше вытащил из сумки несколько ключей и начал позванивать ими, как колокольчиком. Габриэла не знала об их разговоре и смотрела, ничего не понимая. Ион же, увидев ключи, всё понял, и улыбка сошла с его лица.

– Габриэла, Моше приглашает нас посмотреть жильё. Ты хочешь поехать?

– Моше, спасибо огромное. Мы пытались, но ничего не получилось. Я знаю, что Ион без меня встречался с маклерами. Не суждено, видно, нам пожить как раньше.

– Да, Моше, она права. Дом в этих местах нам не по карману. А уезжать не хочется. Уж тут будем.

Моше чуть не свалился со своего красного сиденья.

– Нашли к кому обращаться за помощью – к маклерам! Они же вас вычислили сразу, на этом весь их бизнес построен! А все ваши проблемы, вы только не обижайтесь, у вас на лицах написаны. Садитесь. Просто так покатаемся.

Габриэла, глядя на улыбающегося Моше, почему-то в эту минуту поверила, что лучшее время ещё может настать в её жизни.

– Поехали, Ион. Мы в самом деле вели себя как дети. Кстати, надо оставить записку, чтобы нас ждали с хорошей новостью. Верно, Моше?

– Думаю, надо.

Моше знал точно, что нужно этой семье. Поэтому им понравился первый же дом, светлый, с подсобными помещениями, с огромным огородом и поразительно низкой ценой. Сразу стало ясно, что они просто теряли время, думая, что господа из конторы собираются решить их проблему.

– Ион, я не верю своим глазам, – произнесла Габриэла. – Неужели мы будем так жить?

– Значит, будем, если тебе нравится.

– Нет, подождите, я что, зря старался? А что делать с этими ключами? Поехали, не пожалее.

– Моше, но это то, что мы хотели.

– Все ключи у меня. Так что захотите – вернётесь сюда. Поехали дальше, ещё два адреса.

Второй дом был не хуже, но с маленьким участком. Моше, загадочно улыбаясь – он знал, что делал, – повёз своих пассажиров по третьему адресу. Их восторг был ожидаем. Дом стоял высоко, глядя большими окнами на реку Прут. Кроме большого участка земли и сараев, имелся загон с кошарой для овец. Ион даже не мечтал об этом. А Габриэла, зайдя в дом, вообще потеряла дар речи. Оба молча смотрели на Моше.

– Боитесь узнать цену? – смеясь, спросил он. – И правильно. Цена необычная. Выбирайте: или первый, или этот. Цена одна.

Радость Иона и Габриэлы невозможно было описать.

– Как же мы отблагодарим вас, Моше, и за Димитрия, и за эту красоту – за всё, что вы для нас сделали?

Габриэла со слезами на глазах держала Моше за руку. Ион же отвернулся, будто что-то искал в нагрудном кармане. Глядя на них, и Моше полез в карман за платком.

– Ладно, чего там. Вы здесь люди относительно новые, но вас уже все уважают. У нас это обычное явление – помогать друг другу.

Он вытащил из сумки три конверта, один из них отдал Иону.

– Здесь адрес нотариуса и дома, в котором мы находимся. Нотариус всё проверит и скажет, когда можно внести деньги на счёт, номер которого тоже есть в конверте. Сумма указана. Кстати, услуги нотариуса уже учтены в ней. Поехали, я отвезу вас обратно, и вы уже на месте всё обсудите. Да, Ион, если магарыч остаётся в силе, вечером встретимся в чайной.

11

В чайной всё чаще стали появляться газеты. Если раньше обсуждались и решались местные проблемы, сейчас речь шла о событиях в Европе: о ситуации в Германии, заявлениях и угрозах Гитлера в адрес других стран, о преследовании еврейских семей и конфискации принадлежащего им бизнеса и имущества. Всё это тревожило и вызывало споры, долгие и шумные.

Когда Ион вошёл в чайную, очередной спор был в самом разгаре. И, как всегда, в любой дискуссии на любую тему, больше всех кипятился Филя по прозвищу Фидл, маленький, тщедушный человек, не терпящий никаких возражений. У него было много детей, жили они бедновато, но были очень приветливые и весёлые, никто никогда не унывал.

В споре Фидл быстро переходил на личные оскорбления и угрозы, но ему всё прощалось, потому что никто, нигде и никогда не играл на скрипке так, как Фидл. Редкая свадьба или большое семейное торжество обходилось без его скрипки. Когда он брался за смычок, прекращались разговоры, смех, звяканье посуды, звон стаканов. Даже вечно шумные и крикливые дети переставали бегать и шуметь. Все слушали, и своей игрой Фидл вынимал душу из всех присутствующих.

– Послушай, ты, дундук, – кричал Фидл в лицо Изи Толстого, – пораскинь своими заплывшими жиром мозгами. Кто к нам сюда сунется? Что у нас тут забирать? Мою старую скрипку или твоих хромых коней, которые еле передвигаются?

Изя Толстый молча смотрел на Фидла сверху, так как был на голову выше него и в четыре раза тяжелее.

– Фидл, во-первых, не ори. Мы просто рассуждаем. А во-вторых, смотри, сколько уважаемых людей только в нашей префектуре уже распродали всё что могли и сидят на чемоданах.

– А нам с тобой куда ехать? – кипятился Фидл. – В конце концов, если мы сможем достать оружие, то мы им так дадим – пускай только сунутся.

– Ты им можешь уже почухать одно место своим старым смычком.

– Я тебе сейчас покажу, что я могу. Я тебя как через крышу перекину, ты у меня...

Под дружный громкий хохот Изя молча оторвал Филю от пола одной рукой и вынес за дверь. Смех ещё не успел затихнуть, как Фидл вернулся в помещение, будто ничего не произошло.

– Ну, хорошо. Я обещаю, что больше никого трогать не буду, но вы только...

Оглушительный хохот сотряс помещение.

Всё в том же дальнем углу, где можно было спокойно поговорить, в небольшой компании сидели Ион и Моше. На столе перед ними среди обилия выпивки и закуски лежали газеты. Что положение тревожное, соглашались все. Не все понимали, насколько опасен фашизм для Европы. Между тем из газет было ясно, что благодаря русским, усиленно снабжающим Германию пшеницей, сталью, нефтью, этот фашизм бешеными темпами набирает силу.

Когда стих весёлый шум, Моше обратился к Иону:

– Я пару дней назад встретил Аксельрода. Он очень доволен Димитрием. Говорит, что в первые дни хотел отправить его домой, бил метром по рукам. Так его мудрая Дора посоветовала дать Димитрию отрез на костюм, чтобы он сам раскроил и собрал его до первой примерки. Аксельрод дал отрез и мерку зятя, сказав: «Невелика птица, ходит и в испорченном тобой костюме». Сел напротив, стал смотреть, что будет дальше. Когда Димитрий, разложив на столе ткань, начал вымерять что-то непонятными линейками и самодельными лекалами – это он мне дальше рассказывал, – а потом начал резать по каким-то дополнительным линиям, поднялся такой крик, что прибежала испуганная Дора. «Это таки был самый паршивый отрез из тех, что я закупил, – кричал старик. – Твой зять не заслуживает лучшего, но я же всё равно платил деньги! Смотри, что этот упрямец наделал!» – «Раскроил, ну и что?» – «Но как он это

сделал! Посмотри на этот инструмент. Только белые одежды можно этим кроить». – «Ну так дай ему свой». – «Так не хочет же, паршивец. Говорит, сегодня у костюмов другие линии». – «Марик, не морочь мне голову. Пускай он это всё собирает. Может, на вторую примерку ты что-то выправишь».

– Слушай, а чего это он так про своего зятя? – перебил Ион.

– Длинная история. Один из его зятьёв получил в приданое хорошие деньги, какой-то заводик. Потом всё в карты проиграл. Но дело не в нём. Слушай дальше.

Моше сел поудобнее, подставил свой стакан, чтобы налили, выпил и продолжил:

– Старик говорит, что, увидев зятя после первой примерки, потерял дар речи. Впервые за много лет этот толстяк был похож на человека. Даже Дора удивилась, а её трудно удивить – так Аксельрод говорит. В общем, мастер очень доволен... После бармицвы он решил принять заказы, от которых раньше отказывался, чтобы сделать их вместе с Димитрием. А вот тут уже я удивился. Не помню, чтобы он хоть раз так быстро доверился кому-то, тем более ученику. Так что поздравляю – и с новосельем, и с успехом сына.

Все поздравили Иона, и началось настоящее веселье, благо, на столе было всё что душе угодно. Ион в знак благодарности денег не жалел.

Перед тем как разъехаться по домам, Ион, отойдя с Моше в сторону, спросил:

– Ты меня извини, я не должен, наверное, это спрашивать, но я не раз слышал, что местная власть иногда по твоей просьбе закрывает кое-какие дела, кого-то отпускает. И с этим домом, что мы хотим, очень хотим иметь, что-то странное. Такая цена! Нет ли тут криминала?

– Ты прав, Ион, лучше сразу спросить, чем потом ночами корить себя и мучиться сомнениями. Среди этих маклеров и агентов, безусловно, есть и дерьмо, но много и умных, толковых ребят. Все они играют на бирже, торгуют акциями, ценными бумагами. И вот пару раз кое-кто из них прогорал или пытался вывернуться, нарушая закон. Я обращался в мэрию как гарант этого бедолаги. Естественно, я знал, что нарушение не очень серьёзное. Поверь мне, за человека, серьёзно преступившего закон, я бы никогда не стал просить. Мне отказывали. Тогда я обращался за помощью к мужу моей сестры – этот парень имеет большие связи в Черновцах. Когда сюда звонили по моему вопросу, местные решили, что у меня есть определённое влияние и лучше мне помочь, чем ждать звонка сверху. Рыльце-то у всех в пушку. Так вот, один из этих дельцов, которым я помог когда-то, и подобрал вам дома. Всё с ними чисто, заселяйся и радуйся. С тебя просто не взяли огромные комиссионные. Вот и всё.

12

Как и ожидалось, на бармицву Иосифа прибыло много народу. Не стоит даже описывать те наряды и украшения, которые продемонстрировали в основном небедные друзья и родственники семьи Аксельрод. Когда после синагоги мужская половина семейства собралась вокруг Иосифа для общей фотографии, все обратили внимание на то, как они одеты. Закупая ткани для новых костюмов, Марк Самуилович знал, что делал. Когда эта мягкая, немнущаяся полуперсть перетекла в линии пиджаков и брюк и воплотилась в готовые костюмы с идеально отстроченными лацканами и полуобтягивающими рукавами, без единой складочки вшитыми в точёное плечо, в спину, переходящую в приталенный низ, стало ясно, что эти изделия вышли из-под рук великого мастера.

Когда отсверкали вспышки фотокамер, Марк Самуилович подозвал к себе молодого парня, которого раньше не видели среди гостей, и представил его всем:

– Это Димитрий, благодаря которому вся мужская часть нашей семьи помолодела на много лет. Я видел, как вы с интересом разглядывали мою последнюю коллекцию, эти костюмы. – Он указал на стоящих справа и слева мужчин, которые и в самом деле выглядели намного моложе, стройнее и увереннее, чем раньше. – Я был уверен, что знаю и умею всё. Можете мне не верить, но за шесть недель, что я провёл с этим молодым человеком, я открыл для себя много нового.

Все, не отрываясь, смотрели на Димитрия. Выше среднего роста, стройный, в идеально сидящем костюме – он был хорош. Удлиненное лицо, чёрные, зачёсанные назад волосы, смелый взгляд... Только белозубая улыбка выдавала его смущение.

– Димитрий, – продолжил Аксельрод, – я всегда переживал, что мой опыт уйдёт вместе со мной. За эти недели ты значительно повысил своё мастерство, но, поверь, тебе ещё многому надо научиться. И я рад, что мне есть кому передать всё, что умею и знаю.

Все радостно зааплодировали, и в этот момент Димитрий заметил невысокую девушку. Она стояла немного в стороне и неотрывно смотрела прямо ему в глаза. И когда он встретился с ней взглядом, всё словно куда-то отодвинулось. Аксельрод что-то говорил, кто-то пожимал Димитрию руки, хлопал по плечу, но он видел только её овальное лицо, тёмно-каштановые глаза, смуглую кожу и чёрные, коротко стриженные волосы. Что-то тёплое толкнуло его в грудь изнутри и сдавило сердце.

Едва Димитрий успел удивиться этому непривычному ощущению, как его встряхнул за плечи Аксельрод, вернув в действительность. Оказывается, старик несколько раз безрезультатно у него что-то спрашивал. Рассеянно ответив на пару вопросов, Димитрий начал искать взглядом эту девушку. Он увидел её разговаривающей с Моше, что иногда заезжал к ним по разным делам. Мама очень уважала его.

– Марк Самуилович, кто эта девушка рядом с Моше?

– Это его старшая дочь, Хая. Кстати, такая же неслабая на выдумку мастерица, как и ты.

– Что вы имеете в виду? – испугался Димитрий.

– Да то, что я уже видел нескольких женщин, которые заказывали ей наряд, и они выглядят в этих платьях совершенно великолепно. Идём, я тебя с ней познакомлю.

Димитрий смущённо поблагодарил мастера за хорошие слова в свой адрес и попросил разрешение уйти домой.

– Да что с тобой? – воскликнул Марк Самуилович. – Посмотри, какие барышни не отрывают от тебя глаз. Ты не болен?

– Нет, я в порядке. Мама болеет. Можно я пойду?

– Ты должен идти. Молодец. Завтра мы всей семьёй уезжаем в Бухарест, а через неделю я надеюсь увидеть тебя в своей мастерской. Мы с тобой скоро будем хорошо зарабатывать.

– Конечно, я приду. Спасибо вам огромное за всё.

– И тебе спасибо.

С этими словами Аксельрод легко и быстро вложил во внутренний карман пиджака Димитрия объёмистый конверт.

– Марк Самуилович...

– Ты заслужил. Иди. До встречи через неделю.

Продвигаясь к выходу, Димитрий старался не смотреть в ту сторону, где стояли Моше и Хая. Но у самой двери остановился и оглянулся. И натолкнулся на тот же прямой взгляд не улыбающихся глубоких глаз девушки. И снова тёплый толчок в грудь и сжатое, словно обручем, сердце. С этим ощущением он и покинул синагогу, совершенно не понимая, что с ним происходит.

13

За две недели до бармицвы Иосифа к дому Моше неожиданно подъехал шикарный автомобиль господина Кравеца. Водитель деликатно постучал в дверь и, когда ему открыли (все как раз сидели за столом и ужинали), вручил Розе конверт с приглашением от семьи Кравец. Ройзманы приглашались на праздничный вечер Симхат Тора. Это было совершенно неожиданно и очень приятно.

Господин Кравец был, пожалуй, самой известной личностью в Новоселице. Ему принадлежала хладобойня, куда живой скот свозился чуть ли не со всей Восточной Румынии. Днём и ночью к огромным цехам и складам, в которых шёл непрерывный процесс заготовки мяса, подъезжали грузовики. В Черновцах у Кравеца был перерабатывающий завод, и его продукция была широко известна даже в Европе. Эмблема «Кравец и сын» означает высшее качество – это было известно всем. Моше знал, что младший Кравец учится в Варшаве, в идишитском университете, где наряду с изучением Торы и чтением Талмуда с комментариями штудировались книги по экономике, преподавалось искусство владения и использования информации на рынке валют и акций, искусство достойного бизнеса. Моше иногда подвозил Кравеца с вокзала домой, по дороге они обменивались новостями, не более. И вдруг такое приглашение!

Когда Моше со своим нарядным семейством подъехал к парадному входу светящегося особняка, навстречу им вышел сам хозяин с сыном. Беньямин, невысокий, уже полноватый, несмотря на свой возраст, с рыжими волосами, расчёсанными на пробор, в очках с тонкой оправой, выглядел старше своих лет. Но, когда он, улыбаясь, начал здороваться со всеми, стало заметно, что ему не больше двадцати. Гостей было много, но так получалось, что Беньямин чаще всего оказывался возле Хаи. В основном рассказывал ей о себе, об учёбе. Он уже много поездил по Европе. У Хаи не было опыта общения с мужчинами, поэтому она только отвечала на его вопросы, и ей нравилось всё, что он рассказывал. Вечер прошёл очень весело и непринуждённо. Моше и Розе внимания уделили тоже вполне достаточно.

Домой ехали медленно. Стояла тёплая погода, и осеннее небо было усыпано яркими звёздами. Обсуждали вечер. Беньямин очень понравился Эстер, и она, без всякого сомнения, заявила, что, когда вырастет, выйдет за него замуж. Посмеялись все. Помолчали. Моше спросил:

– Хайкеле, что ты думаешь о нём?

– О ком, папа?

– Да о Беньямине – о ком. Неужели неясно?

– А что думать. Конечно, он уже много повидал, много знает. Нравится ему учиться. Как он объяснил, ему гораздо интереснее изучать экономику, чем другую науку, хотя он понимает, что всё, что преподают в университете, важно.

– Да, этот Беньямин будет, – произнёс Моше. *голова*

– Какая ещё? – в один голос спросили Роза и Хая. *голова*

Снисходительно глянув на них, Моше объяснил, что так говорят о молодом человеке, который в перспективе может стать большим начальником, врачом или докой по части коммерции.

Почти всю ночь Роза и Моше не спали. Уже давно они не проводили ночные часы в разговорах, строя планы на будущее своих детей. Это приглашение взволновало их не на шутку. Безусловно, от их внимания не ускользнуло то, что Беньямин не отходил от Хаи. Да и Ида, жена Кравеца, довольно часто подходила к ним, а вначале представила своим важным, напыщенным родственникам всё семейство Моше. Да, тут было о чём задуматься.

Оглянув своё не бедное, но скромное жилище и сравнив его с тем, что он видел сегодня, Моше загрустил. Но, вспомнив Беньямина, всё то внимание, которое оказали ему и Розе,

а также как его Хаинька вписывалась во всю эту роскошь, Моше заснул со счастливой улыбкой на лице.

14

После шестинедельного сидения за швейной машинкой у Аксельрода Димитрий, имея теперь кучу свободного времени, не мог найти, чем заняться. Иону, конечно, рассказали, как всё происходило на бармицве, как красиво Димитрий был представлен почтенной публике. К тому же в конверте, что передал Аксельрод, была довольно значительная сумма. Габриэла не могла нарадоваться, слушая Иона. Когда Димитрий был дома, она не сводила с него счастливых глаз. А вообще-то выглядела она не очень хорошо, всё реже выходила из дома. Но о визите к врачу не хотела и слушать.

Димитрий решил провести своих приятелей, которых давно не видел. Он сам не заметил, как очутился у ворот идишитской школы. Занятия как раз закончились, и во двор вывалилась шумная толпа мелкой детворы. За ними неторопливо, чинно вышли старшекласники. Девушки все были серьёзные. Димитрий вспомнил своих ровесников из гимназии. Там никто даже ходить медленно не мог – сплошные крики, стычки, беготня. «Да, важные ребята тут учатся», – подумал он.

В это время из парадной двери показалась Хая с ещё несколькими девочками. Дожидаясь, когда они наговорятся (а это было довольно долго) и начнут расходиться, Димитрий последовал за Хайей. Когда девушка осталась одна, он подошёл к ней.

– Привет! Я знаю, тебя зовут Хая.

Когда он увидел опять эти тёмные серьёзные глаза, ему стало стыдно за свой обычный, лёгкий, как ему казалось, тон в обращении с девушками.

– Привет! – И опять этот пристальный взгляд. – А тебя зовут Димитрий. Я видела, как ты наслаждался славой. Чем же ты покоришь этого вечно сердитого Марка Самуиловича?

– Ерунду какую-то несёшь. Во-первых, не наслаждался я никакой славой. Нужна она мне. А во-вторых, Марк Самуилович прекрасный старик, мастер с золотыми руками. А то, что сердится часто, – просто бездарей не любит.

– Ах, ах! Мы уже бездарей ругаем. Что, так уж много бездарей вокруг?

– Да я, честно говоря, не знаю. Но он на самом деле не любит, когда кто-то болтается без дела. Между прочим, он и тебя хвалил тоже.

– А меня-то за что? Он и видел меня не так уж часто.

– Да вроде говорил, что Хая научилась где-то чуть-чуть шить, даже нижнее бельё уже шьёт своим братикам и сестричке.

– Так и сказал?! – возмущение плескалось в как будто ещё более потемневших глазах, гневный румянец покрыл смуглое лицо. Какая она была красивая в эти минуты! Димитрий открыто любовался ею.

Хая, перехватив его восторженный взгляд, ещё более зарумянилась и отвернулась. Ему стало жаль её. Расстроил девушку ни за что. Дурацкую шутку выдумал и ляпнул.

– Да пошутил я. Он как раз очень хвалил твою работу. Видел на ком-то. Я просто пошутил.

Хая повернулась к нему и на удивление спокойно заявила:

– Теперь я понимаю, почему Аксельрод такой сердитый. Просто его окружают бездари со своими дурацкими шутками, которые незаслуженно купаются в славе и очень высокого мнения о себе. – Развернулась и ушла.

Димитрий пошёл за ней.

– Хая, ну, дурак я на самом деле, если такую ерунду нёс. Ну что теперь делать? Извини.

Она повернулась, оглядела его, улыбаясь. Юноша стоял совершенно расстроенный, виноватый, не зная, что делать.

– Попробуй сшить нижнее бельё своим сестричкам и братику. Думаю, у тебя не получится. Это тебе не костюм кроить. – Хая весело рассмеялась и убежала.

Не бежать же за ней. Глупое положение. Вдруг Димитрию стало страшно. Он подумал, что если сейчас не догонит её, то потеряет навсегда. Но Хаи уже не было видно – возможно, она свернула в какой-нибудь переулок. Было бы ещё глупее сейчас искать её, бегая по улицам.

Ругая себя, Димитрий поплёлся домой. Но в его душе по-прежнему сидел страх, неведомый до этого момента. Ему был знаком страх за маму, когда она сильно болела. Тогда переживали все вместе: невозможно было представить дом без неё. Но с Хай было какое-то другое ощущение.

Димитрий совсем расстроился, но по дороге домой встретил приятеля Гицу, которого тоже давно не видел. Друзья обрадовались друг другу, разговорились, решили пойти проведать кое-кого. Жизнь снова зашевелилась. История с Хай как-то отошла на второй план.

15

Переехав в новый дом, Габриэла и всё семейство не могли нарадоваться. Денег хватило абсолютно на всё. Габриэла даже отложила часть суммы со словами: «Это для девочек». Хватило даже на овец (правда, купили немного), на птицу – куриц, уток. С коровой решили подождать – на неё надо было поднакопить.

В доме распоряжалась Габриэла. Она распределяла комнаты, их как раз хватило на отдельные спальни и ребятам, и девочкам. Для своей спальни Габриэла оставила самую маленькую комнату. Ион не возражал. Он не хотел нарушать покой, воцарившийся в их доме после многих лет тревог и разочарований.

Небольшую, но очень солнечную комнату выделили Димитрию под мастерскую. Он целовал родителей со слезами на глазах: ведь теперь они верили в него.

Увидев, как Димитрий устанавливает Singer, Ион спросил:

– И всё-таки откуда у тебя эта швейная машинка? Мне сказали, что это дорогая вещь.

Неожиданно Димитрий покраснел, притом так сильно, что Ион удивился.

– Я же говорил, что мне её подарили.

– Но подарок ведь дорогой. Может, она ворованная, Димитрий? Мы никогда не имели дело с полицией.

Но Димитрий уже взял себя в руки.

– Я даю тебе честное слово, что она не ворованная. И, пожалуйста, поверь мне.

Ион пожал плечами и вышел. Удивление всё-таки осталось, но не верить сыну оснований не было.

Через дорогу, немного наискосок от дома Василия, где остановились Ион с семьёй, проживал Георгий, лет тридцати, необыкновенной мужской красоты, хорошего телосложения, черноволосый и синеглазый весельчак с белозубой улыбкой, широкими бровями вразлёт и алыми губами, выделявшимися на смуглом лице. Жил он на широкую ногу, был со всеми одинаково приветлив. Появляясь в чайной, выпивал со всеми без разбора, угощал, никогда не спорил. Чем он занимается – никто не знал. Когда Георгий бывал дома, любил шить шапки из разного меха: кроличьи, лисьи, мерлушковые. Иногда продавал, иногда отдавал за так. Женщины периодически появлялись в его доме, но ни одна не задерживалась надолго. Никакого хозяйства у Георгия не было. Ходили слухи, что он занимается контрабандой, но в подробности никто не вникал, да и зачем?

Однажды после долгого отсутствия он вернулся не один. С ним была женщина. Даже самые равнодушные к женскому полу не могли не обратить внимание на её молодость, свежесть, красоту. Нельзя сказать, что в округе не было красивых женщин, но Анюта – так Георгий представил её соседям и приятелям – явно среди них выделялась. Без объяснений было ясно, что она даже не украинка. Анюта знала только русский язык и выглядела соответственно: высокая, стройная, голубоглазая блондинка с высокой грудью. Когда они с Георгием шли по улице, невозможно было не любоваться ими. Однако вскоре женщины невзлюбили Анюту, так как их мужья заглядывались на неё, а когда собиралась компания, разговор обязательно заходил об Анке, как окрестили её женщины.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.